

ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДАВЛЕНИЮ

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ГРАЖДАНАМ РОССИИ В СЛУЧАЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕС?

РУСТАМ КАСЬЯНОВ

ЕКАТЕРИНА ТОРКУНОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Ограничительные меры ЕС причиняют ущерб российской экономике, поставив на паузу политическое взаимодействие. Экономические субъекты получают поддержку со стороны государства и уже приспособились жить в новых условиях. В наиболее уязвимом положении находятся российские граждане и соотечественники, которые находятся в странах ЕС и по этой причине не всегда могут рассчитывать на оперативную помощь России. В середине 2022 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации представило доклад «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах», фиксирующий массовые нарушения прав россиян на Западе. В нём приведена информация по большинству государств–членов Европейского союза, из которой следуют многочисленные подтверждённые факты нарушений. Особенно уязвимы российские граждане, в отношении которых начато уголовное преследование. В статью включены информационно-аналитические материалы для российских граждан и соотечественников, при помощи которых они смогут лучше защитить свои права в странах ЕС. Для этого проведён анализ применимого права Европейского союза, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, изучены возможности реализации в уголовном процессе права на устный и письменный перевод, права на информацию о своих правах и сути обвинения, права на помощь адвоката и на юридическую помощь, права на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями. Была изучена практика Европейского суда по правам человека с целью обозначить основные правила, которые регулируют возмездность и качество услуг адвоката и переводчика. В заключение сформулированы рекомендации, которые помогут российским гражданам лучше защищать свои права в случае уголовного преследования в государствах–членах ЕС, что особенно актуально в условиях беспрецедентного политического давления Запада на Россию.

Ключевые слова:

российский гражданин; уголовный процесс; устный и письменный перевод; помощь адвоката; право Совета Европы; практика Европейского суда по правам человека; право Европейского союза

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.01.2024

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: r.kasyanov@inno.mgimo.ru

В середине 2022 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации представило доклад «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах», в котором говорится «о шокирующей своей дикостью тотальной дискриминации россиян»¹, когда массово нарушаются права россиян в государствах «коллективного Запада». В Докладе приведена информация по большинству государств—членов Европейского союза, из которой следуют многочисленные подтверждённые факты нарушений. Особенно уязвимы российские граждане, в отношении которых начато уголовное преследование.

В настоящей статье аналитически обобщены материалы, опираясь на которые российские граждане и соотечественники смогут лучше защитить свои права в странах ЕС. Для этого проведён анализ применимого права Европейского союза, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, изучены возможности реализации в уголовном процессе права на устный и письменный перевод, права на информацию о своих правах и сути обвинения, права на помощь адвоката и на юридическую помощь, права на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями. Практика Европейского суда по правам человека изучена с целью обозначить основные правила, которые регулируют возмездность и качество услуг адвоката и переводчика. В заключительной части статьи сформулированы рекомендации, которые помогут российским гражданам лучше защищать свои права в случае уголовного преследования в государствах—членах ЕС, что особенно актуально в условиях беспрецедентного политического давления Запада на Россию.

Разнообразие правовых инструментов, гарантирующих права российских граждан в уголовном процессе в странах ЕС

В Докладе МИД 2022 г. отмечены серьёзные нарушения, связанные с уголовным преследованием. Речь идёт о ситуациях, когда российские граждане сталкиваются с давлением, ненадлежащим обращением со стороны тюремного персонала, с отказом предоставить необходимую медицинскую помощь и связь с адвокатом. Более того, к ним затруднён либо запрещён консульский доступ сотрудников российских загранучреждений. *В документе приведены факты нарушений по различным государствам—членам Европейского союза*².

Приведём два конкретных примера. Во-первых, в Дании правоохранительные органы затягивают сроки согласования консульского доступа к задержанным россиянам. Установлены факты позднего информирования датскими властями российского Посольства об инцидентах с задержаниями россиян, а также непредоставления последним своевременной медицинской помощи. Во-вторых, в Литве распространённой юридической практикой стало придание закону обратной силы, нарушение принципа презумпции невиновности и права на справедливое судебное разбирательство, в том числе в отношении следующих российских граждан: Г. Иванова, Ю. Меля и К. Никулина.

По состоянию на конец 2023 г. в 27 государствах—членах ЕС деятельность национальных следственных и судебных органов осуществляется с соблюдением прав подозреваемых и обвиняемых, закреплённых в нормах национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также с соблюдением наднациональных правовых норм. Последние в силу принципа верховенства права ЕС обладают наивысшей юридической силой по отношению к национальному законодательству и обязательны к исполнению на всей терри-

¹ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» (Москва, 2022 год). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1815559/ (дата обращения: 20.02.2024).

² Там же.

тории Союза. В этом контексте стоит упомянуть Хартию ЕС об основных правах 2000 года (далее – Хартия)³. В ней закреплены права на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду (ст. 47) и соблюдение права на защиту (ч. 2 ст. 48).

Наднациональные органы ЕС, обладающие компетенцией в сфере уголовно-судебного сотрудничества (Евроюст) [Jimeno-Bulnes 2003] и правом проводить уголовное преследование (Европол, Европейская прокуратура) [Öberg 2021], напрямую связаны положениями этого документа. Любой подозреваемый или обвиняемый, участвующий в уголовном разбирательстве в одном из государств–членов ЕС, может ссылаться как на нормы международного права, в первую очередь на основополагающий региональный правозащитный документ Совета Европы – Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – ЕКПЧ)⁴, так и на другие международные документы – Всеобщую декларацию прав человека 1948 года⁵, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года⁶, Венскую конвенцию о консульских сношениях 1963 года⁷, Конвенцию о правах ребёнка 1989 г.⁸ и так далее.

Хотя Россия вышла из Совета Европы и денонсировала в связи с этим ЕКПЧ, российские граждане на территории ЕС могут ссылаться на положения Конвенции, поскольку она гарантирует права всех лиц, находящихся под юрисдикцией её государств–участников, независимо от их граж-

данства. Европейский союз как надгосударственное образование не присоединился к Конвенции, но все государства–члены являются её участниками и обязаны соблюдать её положения.

Российский гражданин, в отношении которого начато уголовное преследование в ЕС, имеет широкий круг правовых инструментов, с помощью которых он может попытаться гарантировать свои права. К их числу относятся нормы национального законодательства государств–членов, нормы международного и европейского права. Приведённый выше перечень основных универсальных международных документов в той или иной степени россиянам известен. Знание положений универсальных или региональных международных документов, центральное место среди которых принадлежит ЕКПЧ, позволяет не чувствовать себя беззащитным перед следственными или судебными органами ЕС.

Вместе с тем этого недостаточно для полноценной защиты своих прав, так как указанные международные договоры закрепляют лишь общие правила, которые иногда трудно применить в конкретной ситуации, особенно в случае процессуальных действий. В этой связи обращают на себя внимание нормы вторичного права ЕС, исходящие от институтов Союза. Они, как правило, содержат детализированный свод правил, применяющихся в конкретной ситуации. В Директиве 2013/48/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 октября 2013 г. «О праве доступа к адвокату в контексте уголовного разбирательства и разбиратель-

³ Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012. P. 391–407. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012P%2FTXT> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163. Действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 года – Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998. № 235.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966). Организация Объединённых Наций. Серия договоров. 1976. Т. 999. С. 171.

⁷ Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24.04.1963). Организация Объединённых Наций. Серия договоров. 1967. Т. 596. С. 261.

⁸ Конвенция о правах ребёнка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Организация Объединённых Наций. Серия договоров. 1990. Т. 1577. С. 3.

ства, связанного с европейским ордером на арест, праве информировать третью сторону о лишении свободы и праве лиц, лишённых свободы, на общение с третьими лицами и консульскими учреждениями» (далее — Директива 2013/48/ЕС) отмечается, что «укрепление взаимного доверия требует детальных правил защиты гарантий и процессуальных прав, вытекающих из Хартии, ЕКПЧ и Международного пакта о гражданских и политических правах. Это также требует дальнейшего развития в рамках ЕС посредством настоящей Директивы других мер и минимальных стандартов, закреплённых в Хартии и ЕКПЧ»⁹.

Нормы вторичного права интеграционного объединения¹⁰ применяются во всех государствах-членах единообразно. Они имеют приоритет по отношению к национальному законодательству, поэтому не нужно вникать, например, в особенности австрийского, болгарского, немецкого, нидерландского, французского или литовского уголовно-процессуального законодательства. Директивы ЕС, в отличие от регламентов, оставляют государствам-членам определённую свободу действий при реализации целей этих правовых актов. Тем не менее основные принципы регулирования едины для всех государств, которым они адресованы. Кроме того, эти нормы не могут противоречить первичному праву Европейского союза, к числу которых относится Хартия. Они учитывают также международный опыт регулирования аналогичных вопросов. Таким образом, знание основных источников вторичного права ЕС, посвящённых процессуальным правам подозреваемых и обвиняемых

в уголовном производстве, позволит российскому гражданину иметь солидную юридическую подготовку. Он сможет чувствовать себя более защищённым в любом из государств-членов.

На этом фоне обращают на себя внимание правовые акты Союза, которые были подготовлены в ответ на резолюцию Совета от 30 ноября 2009 г. «О дорожной карте по усилению гарантий процессуальных прав подозреваемых или обвиняемых в уголовном производстве»¹¹ (далее — «дорожная карта»). В рамках поэтапного подхода её составители исходили из необходимости принятия законодательных мер, которые будут регулировать право на устный и письменный перевод (мера «А»), право на информацию о своих правах и сути обвинения (мера «В»), право на помощь адвоката и на юридическую помощь (мера «С»), право на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями (мера «D») и особые гарантии для подозреваемых или обвиняемых, находящихся в уязвимом положении (мера «Е»). Отдельно было предусмотрено принятие Зелёной книги «О предварительном заключении» (мера «F»). Поскольку у ЕС отсутствует чёткая компетенция в области регулирования вопросов, связанных с содержанием лиц под стражей, в частности в отношении тюремного режима, по последней мере был принят рекомендательный акт.

Европейский совет 11 декабря 2009 г. включил «дорожную карту» в Стокгольмскую программу [Weis 2010] — «Открытая и безопасная Европа на службе и защите граждан» (пункт 2.4)¹². Итогом правотвор-

⁹ Directive 2013/48/UE du Parlement européen et du Conseil du 22 octobre 2013 relative au droit d'accès à un avocat dans le cadre des procédures pénales et des procédures relatives au mandat d'arrêt européen, au droit d'informer un tiers dès la privation de liberté et au droit des personnes privées de liberté de communiquer avec des tiers et avec les autorités consulaires. JO L 294. 06.11.2013. P. 1.

¹⁰ К нормам вторичного права относят правовые акты институтов ЕС (директивы, регламенты, решения и др.). К нормам первичного права относят учредительные договоры, Хартию ЕС об основных правах и др. Источники первичного права обладают наивысшей юридической силой.

¹¹ Résolution du Conseil du 30 novembre 2009 relative à la feuille de route visant à renforcer les droits procéduraux des suspects ou des personnes poursuivies dans le cadre des procédures pénales. JO C 295. 04.12.2009. P. 1.

¹² Le programme de Stockholm — une Europe ouverte et sûre qui sert et protège les citoyens. JO C 115. 04.05.2010. P. 1.

ческой работы в этом направлении стали пять директив, которые были приняты в период с 2010 по 2016 год: Директива 2010/64/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 октября 2010 г. «О праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе» (далее – Директива 2010/64/ЕС)¹³; Директива 2012/13/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2012 г. «О праве на информацию в уголовном процессе» (далее – Директива 2012/13/ЕС)¹⁴; Директива 2016/343 Европейского парламента и Совета от 9 марта 2016 г. «Об укреплении некоторых аспектов презумпции невиновности и праве присутствовать на судебном разбирательстве в уголовном процессе» (далее – Директива 2016/343/ЕС)¹⁵; Директива 2016/800 Европейского парламента и Совета от 11 мая 2016 г. «О процессуальных гарантиях для детей, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми в уголовном процессе» (далее – Директива 2016/800/ЕС)¹⁶; а также ранее упоминавшаяся Директива 2013/48/ЕС. Эти документы (далее – процессуальные директивы) регулируют различные вопросы обеспечения процессуальных прав в случае уголовного преследования. Они были приняты европейскими институтами как новое мощное средство для продвижения интеграции [Fichera 2013] и предстают как составная часть формирующегося европейского уголовного права [Albrecht, Braum 1999; Rubi-Cavagna 2018].

Необходимо сделать следующий вывод из предшествующего анализа. В ЕС применяются многочисленные правовые инструменты, которые должны учитывать

российские граждане при защите своих прав. Наряду с универсальными и региональными правозащитными международными договорами, центральное место среди которых занимает Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в ЕС применяется Хартия ЕС об основных правах, а также целый ряд директив, которые регулируют различные вопросы обеспечения процессуальных прав в случае уголовного преследования. Директивы ЕС содержат детализированный свод правил, что позволяет обеспечить более эффективную защиту прав лиц в уголовном процессе.

Применимость процессуальных директив ЕС в отношении российских граждан

Из названия Стокгольмской программы следует, что основным её адресатом являются граждане ЕС. В документе прямо сказано, что «все будущие действия должны быть ориентированы на граждан Союза и других лиц, в отношении которых Союз несёт ответственность» (пункт 1.1)¹⁷. При анализе процессуальных директив, принятых при реализации целей этой программы, можно обратить внимание на повторяющиеся формулировки. В соответствии с ними «общие минимальные правила должны повысить доверие к системам уголовного правосудия всех государств-членов, что, таким образом, должно привести к более эффективному судебному сотрудничеству в атмосфере взаимного доверия»¹⁸.

Подобное единообразие объясняется принятием процессуальных директив на

¹³ Directive 2010/64/UE du Parlement européen et du Conseil du 20 octobre 2010 relative au droit à l'interprétation et à la traduction dans le cadre des procédures pénales. JO L 280. 26.10.2010. P. 1–7.

¹⁴ Directive 2012/13/UE du Parlement européen et du Conseil du 22 mai 2012 relative au droit à l'information dans le cadre des procédures pénales. JO L 142. 01.06.2012. P. 1–10.

¹⁵ Directive (UE) 2016/343 du Parlement européen et du Conseil du 9 mars 2016 portant renforcement de certains aspects de la présomption d'innocence et du droit d'assister à son procès dans le cadre des procédures pénales. JO L 65. 11.03.2016. P. 1–11.

¹⁶ Directive (UE) 2016/800 du Parlement européen et du Conseil du 11 mai 2016 relative à la mise en place de garanties procédurales en faveur des enfants qui sont des suspects ou des personnes poursuivies dans le cadre des procédures pénales. JO L 132. 21.05.2016. P. 1–20.

¹⁷ Le programme de Stockholm – une Europe ouverte et sûre qui sert et protège les citoyens. P. 4.

¹⁸ См., например, Директиву 2010/64/ЕС. P. 2; Директиву 2012/13/ЕС. P. 2.

основании статьи 82(2) Договора о функционировании Европейского союза (далее — ДФЕС). Она предусматривает установление минимальных правил для облегчения взаимного признания приговоров и судебных решений в государствах-членах, а также полицейского и судебного сотрудничества в уголовных делах, имеющих трансграничное измерение [Öberg et al. 2021]. Пункт (b) ст. 82(2) ДФЕС касается прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве как одной из областей, в которых могут быть установлены минимальные правила.

Могут ли российские граждане апеллировать к нормам процессуальных директив ЕС при защите своих прав в случае уголовного преследования? Безусловно. *Во-первых*, анализ текста этих документов не позволяет говорить, что их положения обращены исключительно к гражданам Европейского союза. Повсеместно используются формулировки, согласно которым правовые нормы, изложенные в этих актах, применяются «к лицам с момента, когда компетентные органы государства-члена доводят до их сведения посредством официального уведомления или любым другим способом, что их подозревают или преследуют за совершение преступления, до завершения судебного разбирательства, которое понимается как окончательное определение того, совершили они преступление или нет, включая, если применимо, обвинительный приговор и решение, вынесенное по любой апелляции»¹⁹. Ни в одной из процессуальных директив нет специального указания, что они применяются исключительно в отношении граждан ЕС. В Директиве 2012/13/ЕС прямо закреплено, что она «должна применяться к подозреваемым и обвиняемым, независимо от их правового статуса, гражданства и национальности»²⁰.

Во-вторых, институты ЕС при принятии правовых актов исходили из того, что они посредством этих документов и других мер будут «развивать в рамках Союза минимальные стандарты, закреплённые в ЕКПЧ и Хартии»²¹. В каждой из этих директив также говорится, что их положения не могут быть истолкованы «как ограничение или умаление прав и процессуальных гарантий, предоставленных в соответствии с ЕКПЧ, Хартией основных прав Европейского союза, любым другим соответствующим положением международного права или закона государства-члена, обеспечивающего более высокий уровень защиты»²². При этом институты ЕС отмечают, что, хотя все государства-члены являются участниками ЕКПЧ, «опыт показывает, что это само по себе не всегда обеспечивает достаточную степень доверия к системам уголовного правосудия других государств-членов»²³. По этой причине укрепление взаимного доверия «требует более последовательного осуществления прав и гарантий, указанных в статье 6 ЕКПЧ»²⁴. Обращение к этой статье, которая закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, характерно для всех процессуальных директив.

Таким образом, директивы ЕС основаны на соблюдении ЕКПЧ, которая гарантирует права всех лиц, находящихся под юрисдикцией государств-членов. Выборочное их применение в отношении лиц в зависимости от их принадлежности к гражданству Европейского союза противоречило бы букве и духу Конвенции. Наконец, процессуальные директивы направлены на закрепление минимальных правозащитных стандартов. Создание специального комплекса норм в отношении граждан третьих стран также вызвало бы множество вопросов. В любом случае их принятие привело бы либо к ущемлению

¹⁹ См., например, Директиву 2010/64/ЕС. Р. 4; Директиву 2012/13/ЕС. Р. 5.

²⁰ См. Директиву 2012/13/ЕС. Р. 5.

²¹ См. Директиву 2010/64/ЕС. Р. 2.

²² См., например, Директиву 2012/13/ЕС. Р. 6; Директиву 2013/48/ЕС. Р. 11.

²³ См., например, Директиву 2010/64/ЕС. Р. 2.

²⁴ Там же.

прав граждан ЕС, либо к обратной дискриминации и дискредитации всей законодательной деятельности институтов Союза.

В-третьих, ответ на поставленный выше вопрос можно найти в практике Суда Европейского союза, который уже рассматривал дела граждан из третьих стран на предмет нарушения положений процессуальных директив. Суд ЕС в Люксембурге 1 августа 2022 г. в ответ на запрос Апелляционного суда Эворы (Португалия) вынес преюдициальное решение по делу C-242/22 PPU²⁵ о толковании отдельных статей Директивы 2010/64/ЕС и Директивы 2012/13/ЕС. Этот запрос был сделан в контексте спора между ТЛ, гражданином Молдовы, и португальской прокуратурой (Ministério Público) относительно последствий отсутствия помощи переводчика и письменного перевода различных документов, касающихся уголовного производства в отношении ТЛ.

Суд ЕС в ходе срочной преюдициальной процедуры постановил, что эти директивы, рассматриваемые в свете основных прав на справедливое судебное разбирательство и уважение права на защиту (ст. 47 и ч. 2 ст. 48 Хартии, ст. 6 ЕКПЧ) и принципа эффективности, исключают наличие некоторых противоречащих национальных (португальских) законов. В соответствии с ними нарушение права на информацию, на устный и письменный перевод, предусмотренные этими директивами, должно быть заявлено бенефициаром этих прав в течение определённого периода, если тот начинается до того, как заинтересованное лицо было проинформировано на языке, на котором оно говорит или понимает. Имеется в виду, *во-первых*, существование и объём его права на устный и письменный перевод; *во-вторых*, существование и содержание основного документа, о котором идёт речь, и связанных с ним последствий. Следует отметить, что, согласно принципу эффективности, национальные правила и про-

цедуры не должны делать осуществление прав ЕС невозможным на практике.

Было констатировано нарушение прав гражданина из третьей страны. За ним признаны гарантии процессуальных директив Европейского союза. Особую остроту этому заключению Суда ЕС придаёт тот факт, что указанные директивы не были вовремя перенесены (или не полностью перенесены) в португальскую правовую систему, что не помешало на них сослаться апелляционной инстанции и адвокату гражданину Молдовы, а Суду ЕС признать их прямое действие в правовом порядке Португалии, так как их положения кажутся с точки зрения их содержания безусловными и достаточно точными и напрямую затрагивают права частных лиц.

Таким образом, директивы, принятые в соответствии с «дорожной картой», которые регулируют обеспечение процессуальных прав в уголовном производстве, адресованы в первую очередь гражданам Союза и направлены на создание пространства свободы, безопасности и правосудия [Войников, Энтин 2019]. Граждане третьих стран, находящиеся в юрисдикции государств-членов, вправе ссылаться на положения Директив ЕС (2010/64/ЕС и 2012/13/ЕС) даже в том случае, если они не были вовремя имплементированы на национальном уровне. Аналогичный вывод можно сделать в отношении других директив (2013/48/ЕС, (ЕС) 2016/343, (ЕС) 2016/800), поскольку, по мнению европейских институтов, принявших их, «дорожная карта разрабатывается как единое целое, и только после того, как все её компоненты будут реализованы, она раскроет весь свой потенциал»²⁶.

Перейдем к более детальному анализу положений этих правовых актов. Поскольку в «дорожной карте» подчёркивается, что порядок, в котором упоминаются права, ориентировочный, для целей этого исследования будет избран хронологический

²⁵ Arrêt de la Cour de l'Union européenne (première chambre) (1er août 2022). Procédure pénale contre TL. Affaire C-242/22 PPU // Recueil – Recueil général. Identifiant ECLI: ECLI:EU:C:2022:611.

²⁶ См., например, Директиву 2012/13/ЕС. Р. 2.

подход при изучении соответствующих директив. Мы рассмотрим три процессуальные директивы, которые соответствуют мерам «А», «В», «С», «Д» «дорожной карты», так как именно их правила регулируют наиболее частые ситуации, с которыми сталкиваются подозреваемые или обвиняемые.

Право на устный и письменный перевод

Право на устный и письменный перевод, предоставленное лицам, которые не говорят на языке судопроизводства или не понимают его, закреплено в ст. 6 ЕКПЧ с учётом толкования этой правовой нормы Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) (см. далее). Директива 2010/64/ЕС облегчает практическую реализацию этого права на уровне Союза. С этой целью в правовом акте закреплено право подозреваемых и обвиняемых на услуги устного и письменного перевода в контексте уголовного судопроизводства, гарантирующее справедливое судебное разбирательство. Важно подчеркнуть, что ст. 6 ЕКПЧ и ст. 47 Хартии устанавливают право на справедливое судебное разбирательство. Часть 2 ст. 48 Хартии гарантирует уважение права на защиту. Директива 2010/64/ЕС исходит из необходимости реализации этих прав и применяется соответствующим образом.

Последний документ (не распространяется на Данию)²⁷ относится к мере «А» и устанавливает общие минимальные правила, которые должны применяться в области устного и письменного перевода в уголовном производстве и в процедурах, связанных с исполнением европейского ордера на арест. Право на устный и письменный перевод появляется с момента, когда компетентные органы государства-члена официально уведомляют лицо, что его подозревают в совершении преступления или преследуют за это деяние. В некоторых странах ЕС (например, во Франции) санкции за незначительные нарушения вправе

накладывать органы, которые обладают полномочиями по уголовным делам, но к числу судебных не относятся²⁸. Их решения, как правило, могут быть обжалованы в судебном порядке. В таких случаях Директива 2010/64/ЕС применяется только к процедуре судебного обжалования.

В документе разграничиваются устный и письменный переводы. Услуги по их оказанию должны предоставляться на родном языке подозреваемых или обвиняемых или на любом другом языке, на котором они говорят или понимают. Прокуратура, полиция и судебные органы обязаны обеспечить подозреваемому или обвиняемому, страдающему каким-либо физическим или психическим расстройством, влияющим на его способность эффективно общаться, возможность пользоваться правами, предусмотренными Директивой 2010/64/ЕС.

Устный перевод без промедления предоставляется подозреваемому или обвиняемому во время уголовного преследования перед следственными или судебными органами, в том числе во время допроса полицией. В целях справедливого судебного разбирательства государства-члены должны обеспечить наличие переводчика для общения подозреваемого или обвиняемого с адвокатом во время допроса или слушания, а также в случае апелляции или подачи других ходатайств в контексте разбирательства (об освобождении под залог и прочее). Необходимо проверить уровень знания языка подозреваемым или обвиняемым лицом.

В уголовно-процессуальном законодательстве государств-членов должны быть предусмотрены процедуры, при помощи которых это лицо может обжаловать решение об отсутствии потребности в устном переводе, а также подать жалобу на недостаточное для реализации его права на справедливое судебное разбирательство

²⁷ См. п. 36 Директивы 2010/64/ЕС.

²⁸ См. п. 16 Директивы 2010/64/ЕС, в котором поясняется, что такая практика особенно касается нарушений правил дорожного движения, которые в некоторых государствах-членах ЕС подлежат санкциям, налагаемым внесудебным органом.

качество устного перевода. В последнем случае компетентные органы должны назначить назначенного переводчика. Для устного перевода и быстрой связи с переводчиком могут использоваться технические средства связи — видеоконференция, телефон или Интернет. Если подозреваемый или обвиняемый был допрошен следственными органами или заслушан судебным органом с использованием устного перевода, то этот факт должен быть зафиксирован.

Письменный перевод основных документов предоставляется подозреваемому или обвиняемому в разумный срок для реализации своего права на защиту. К числу основных документов относятся решение о заключении под стражу, любое обвинение или обвинительный акт и судебное решение. Национальные компетентные органы решают в каждом конкретном случае, необходим ли письменный перевод какого-либо другого документа. Подозреваемый или обвиняемый либо адвокат могут представить мотивированную просьбу об этом. Как и в случае устного перевода, должны быть предусмотрены процедуры, с помощью которых лицо может обжаловать отказ обвинителя предоставить перевод документов или их частей, а также подать жалобу на качество письменного перевода.

Государство—член ЕС, которое исполняет европейский ордер на арест, обязано при необходимости обеспечить его письменный перевод для лица, в отношении которого оно выдано. В некоторых случаях может быть предоставлен устный перевод, если это решение не нарушает право на справедливое судебное разбирательство. При невозможности письменного перевода устное изложение основных документов фиксируется в порядке, установленном национальным законодательством. Подозреваемый или обвиняемый вправе отказаться от письменного перевода основных документов, но такое лицо должно быть проконсультировано о последствиях своего решения. Такой отказ также фиксируется.

Расходы на перевод несут государства-члены. Они обязаны создать реестр внеш-

татных переводчиков, имеющих необходимую квалификацию. Доступ к нему предоставляется адвокатам и соответствующим органам власти. Национальные органы должны гарантировать соблюдение переводчиками конфиденциальности устных и письменных переводов, предоставляемых в соответствии с Директивой 2010/64/ЕС.

Таким образом, Директива 2010/64/ЕС закрепляет правила, которые гарантируют высокий уровень защиты лиц в рамках уголовного процесса, обеспечивая эффективную реализацию права на устный и письменный перевод. Важным достижением стали правила, которые регулируют оказание услуг по письменному переводу.

Право на информацию о своих правах и о сути обвинения

Аналогично Директиве 2010/64/ЕС принятие Директивы 2012/13/ЕС в полной мере исходит из необходимости обеспечить на уровне ЕС соблюдение прав, которые закреплены в ст. 6 ЕКПЧ и ст. 47 Хартии (право на справедливое судебное разбирательство) и ч. 2 ст. 48 Хартии (уважение права на защиту). Кроме того, ст. 6 Хартии и ст. 5 ЕКПЧ закрепляют право на свободу и личную неприкосновенность. В Директиве 2010/64/ЕС учитывается, что в последнем случае любые ограничения не могут превышать те, которые разрешены в соответствии со ст. 5 ЕКПЧ и вытекают из прецедентного права ЕСПЧ.

Директива 2012/13/ЕС относится к мере «В» «дорожной карты» (не применяется в Дании) и устанавливает правила информирования лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовного преступления, об их правах и выдвинутых против них обвинениях. В равной степени эти положения касаются лиц, в отношении которых выдан европейский ордер на арест.

Правила, изложенные в этом документе, применяются с того момента, когда компетентные органы государства-члена уведомляют лицо, что его подозревают или обвиняют в совершении уголовного преступления. Эти правила действуют до вынесения обвинительного приговора или апелляции.

онного решения. Если в национальном правовом порядке за относительно незначительные правонарушения (нарушения правил дорожного движения) санкции может наложить несудебный орган, обладающий юрисдикцией по уголовным делам, что может быть оспорено в суде, то Директива 2012/13/ЕС применяется только к процедуре обжалования в таком суде.

В этот законодательный акт включён пункт об обязательном вручении подозреваемому или обвиняемому лицу, которое задержано или арестовано, Декларации прав. Более того, к Директиве приложен её шаблон. Как следствие, в государствах-членах гармонизированы содержание и форма документа, закрепляющего минимум их информационных обязательств в отношении лиц, против которых начато уголовное преследование.

Декларация прав содержит восемь разделов, которые соответствуют конкретным правам с кратким изложением их содержания. В соответствии с разделом 1 «Помощь адвоката. Право на юридическую помощь» обвиняемое или подозреваемое лицо имеет право на конфиденциальную беседу с адвокатом, который должен быть независимым от полиции. Сотрудники последней должны помочь связаться с защитником. В некоторых случаях помощь может быть бесплатной. Дополнительные разъяснения этого права следует получить у органов правового порядка. Зарубежные учёные-правоведы отмечают, что выбор адвоката в отделе полиции связан с определёнными рисками, поскольку сам процесс отбора никак не регулируется в национальном праве. В итоге отсутствие формальной, прозрачной системы отбора способно снизить эффективность реализации права на юридическую помощь [Daly, Conway 2021; Cape, Hodgson 2014].

Согласно разделу 2 «Информация об обвинении» лицо вправе знать, почему его арестовали или задержали и в совершении

какого преступления его подозревают или обвиняют.

Раздел 3 «Толкование и перевод» посвящён праву на бесплатную помощь переводчика. Последний может помочь в общении с адвокатом, который не должен раскрывать какую-либо информацию о содержании этого разговора. Лицо вправе получить по крайней мере перевод соответствующих выдержек из основных документов, включая любой судебный ордер, санкционирующий арест или дальнейшее задержание, любое обвинение или обвинительный акт, а также любое судебное решение.

Согласно разделу 4 «Право на молчание» при допросе в полиции или других компетентных органах лицо не обязано отвечать на вопросы, касающиеся предполагаемого правонарушения. Задержанное или арестованное лицо вправе просить своего адвоката помочь решить этот вопрос. Правила раздела 4 сформулированы с учётом национального опыта европейских государств и практики ЕСПЧ [Daly 2014], хотя на национальном уровне не все вопросы удалось решить в полной мере [Pivaty et al. 2021]²⁹.

В разделе 5 «Доступ к документам» сказано, что лицо при задержании или аресте может получить доступ к основным документам, необходимым для обжалования этого решения. Если дело будет передано в суд, то субъект (или его адвокат) имеет право ознакомиться с вещественными доказательствами.

Раздел 6 «Уведомление третьих лиц о вашем аресте или задержании/информирование вашего консульства или посольства» закрепляет за обвиняемым или задержанным лицом право требовать от полиции, чтобы кто-то ещё, например член семьи или работодатель, был проинформирован о задержании или аресте. Если обвиняемое или подозреваемое лицо — иностранец, то он может сообщить в полицию о желании проинформировать консульство или посольство о своём задержании или аресте и

²⁹ В Нидерландах, например, содержание права хранить молчание не закреплено в национальном законодательстве, в отличие, например, от Бельгии и Италии, где обязанность информировать подозреваемого о различных элементах права хранить молчание охраняется законом.

о необходимости связаться с сотрудником заграничного учреждения своей страны.

Согласно разделу 7 «Скорая медицинская помощь» при аресте или задержании лицо имеет право на неотложную медицинскую помощь. Для её получения необходимо обратиться к сотруднику полиции.

Согласно разделу 8 «Период лишения свободы» лицо после ареста или задержания обязано быть проинформировано о максимальном сроке ареста или задержания, с указанием конкретного числа дней/часов. Отдельно должна быть предоставлена информация, что по истечении этого периода лицо должно быть освобождено либо его должен заслушать судья, который вынесет решение о продлении содержания под стражей. При этом лицо вправе просить у своего защитника или судьи о возможности обжаловать арест, пересмотреть решение о содержании под стражей или обратиться с ходатайством о временном освобождении.

В этих разделах отражён гармонизованный минимум правил. Декларация прав может включать другие процессуальные права, применимые в государствах-членах. Этот документ должен быть передан лицу незамедлительно при его аресте или задержании, что происходит до первого официального допроса подозреваемого или обвиняемого полицией или другим компетентным органом. Арестованное или задержанное лицо имеет право ознакомиться с Декларацией, хранить её у себя в течение всего срока содержания под стражей. Она должна быть написана простым и доступным языком. Государства-члены обязаны обеспечить получение подозреваемым или обвиняемым Декларации в письменной форме на языке, который он понимает. Если отсутствует её версия на соответствующем языке, то подозреваемого или обвиняемого информируют об их правах в устной форме на языке, который он понимает. Затем версию Декларации на понятном подозреваемому или обвиняемому языке направляют без задержки.

Лица, в отношении которых выдан европейский ордер на арест, могут получить

Декларацию прав, содержание которой приводится в приложении к Директиве 2012/13/ЕС. Шаблон такой Декларации включает пять разделов (информация о европейском ордере на арест, помощь адвоката, толкование и перевод, возможность согласия на выдачу, право быть заслушанным судом). Совпадающие разделы не отличаются по своему содержанию от обычной Декларации прав, а отличающиеся разделы регулируют в основном специальные вопросы, связанные с процедурой применения европейского ордера на арест.

В Директиве 2012/13/ЕС закреплено право подозреваемых или обвиняемых получать информацию о предъявленном обвинении. Такие лица должны быть уведомлены о причинах их ареста или задержания, в том числе об уголовно наказуемом деянии, в совершении которого их подозревают или обвиняют. Этому праву также посвящён раздел 2 Декларации прав. Эта информация передаётся быстро и достаточно подробно, чтобы гарантировать справедливость процедуры и обеспечить эффективное осуществление права на защиту. Подозреваемые и обвиняемые (или их адвокаты) могут оспаривать в соответствии с национальными процедурами непредоставление такой информации.

Директива 2012/13/ЕС закрепляет право на доступ к документам дела, в том числе фотографии, видео- и аудиозаписи. Они хранятся у компетентных органов и необходимы для эффективного оспаривания в соответствии с национальным законодательством законности ареста или задержания. Документы должны быть доведены до сведения заинтересованного лица или его адвоката. Доступ к ним предоставляется заблаговременно и должен быть бесплатным для обеспечения эффективного осуществления права на защиту, но самое позднее до вынесения судом решения об обоснованности обвинения.

В доступе к определённым документам может быть отказано, если он может представлять серьёзную угрозу жизни или правам третьей стороны или когда отказ необ-

ходим для защиты важных общественных интересов. Например, имеются в виду ситуации, когда может быть поставлено под угрозу текущее расследование или нанесён серьёзный ущерб национальной безопасности государства-члена, в котором возбуждено уголовное дело. В таком случае данное решение должно быть принято судебным органом или, по крайней мере, быть подвергнуто судебному контролю. Согласно Директиве 2012/13/ЕС, ограничения такого доступа следует толковать в соответствии с правом на справедливое судебное разбирательство, как это предусмотрено ЕКПЧ и интерпретируется ЕСПЧ.

Таким образом, благодаря Директиве 2012/13/ЕС право на информацию о своих правах и о сути обвинения получило конкретизацию через раскрытие целого ряда связанных аспектов: адвокатская и иная юридическая поддержка; информация об обвинении, толкование и перевод, право хранить молчание, скорая медицинская помощь, период лишения свободы. Важным достижением стало правило об обязательном вручении подозреваемому или обвиняемому лицу Декларации прав, шаблон которой приложен к Директиве 2012/13/ЕС.

Право на помощь адвоката и на юридическую помощь.

Право на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями

При принятии Директивы 2013/48/ЕС законодательные институты исходили из необходимости гарантировать на уровне ЕС соблюдение ст. 47 Хартии и ч. 2 ст. 48 Хартии, а также ст. 6 ЕКПЧ.

Директива 2013/48/ЕС относится к мерам «С» и «D» «дорожной карты». Она не применяется в Ирландии и Дании³⁰ [Soo 2017].

Подозреваемый или обвиняемый с момента, когда компетентные органы государства-члена сообщают ему посредством официального уведомления или любым другим способом, что его подозревают или

обвиняют в совершении уголовного преступления, вправе апеллировать к положениям Директивы 2013/48/ЕС независимо от того, лишён он свободы или нет. Лицо, не являющееся подозреваемым или обвиняемым, но ставшее таковым в ходе допроса полицией или другим правоохранительным органом, также может ссылаться на права, закреплённые в этой директиве. Более того, если во время допроса лицо становится подозреваемым или обвиняемым, то допрос такого лица должен быть немедленно приостановлен.

Правила этого правового акта применяются до окончания судебного разбирательства. В отношении незначительных правонарушений, за которые санкции вправе накладывать орган, не являющийся судом с юрисдикцией по уголовным делам, действует аналогичный порядок, как в рассмотренных директивах 2010/64/ЕС и 2012/13/ЕС.

Последняя применяется также к лицам, в отношении которых выдан европейский ордер на арест, с момента их ареста в государстве—члене ЕС, осуществляющем исполнение ордера.

Центральное место в Директиве 2013/48/ЕС занимают нормы, которые посвящены праву на доступ к адвокату в уголовном процессе. Подозреваемый или обвиняемый должен получить такой доступ без неоправданной задержки. Государства-члены должны стремиться предоставлять общую информацию, например на веб-сайте или в брошюрах, доступных в полицейских участках, чтобы помочь подозреваемым или обвиняемым быстро найти защитника. В любом случае подозреваемый или обвиняемый должен получить доступ к адвокату с момента наступления самого раннего из следующих событий: 1) до допроса полицией или любым другим правоохранительным или судебным органом; 2) во время проведения следственных или иными компетентными органами следственных или иных мероприятий по сбору доказательств; 3) после лишения

³⁰ См. п. 58–59 Директивы 2013/48/ЕС.

свободы; 4) после вызова в суд, который обладает юрисдикцией по уголовным делам, заблаговременно до назначенного времени явки в этот суд. Допрос не включает в себя предварительные вопросы, задаваемые полицией либо другими правоохранительными органами с целью установления личности, проверки наличия у лица оружия или оценки других вопросов безопасности или с целью установить, нужно ли начинать расследование, например во время дорожной проверки или плановой выборочной проверки, когда подозреваемый или обвиняемый ещё не установлен.

Право на доступ к адвокату включает в себя следующие элементы: 1) подозреваемый или обвиняемый имеет право встречаться и общаться наедине с адвокатом, в том числе до того момента, как он будет допрошен полицией или заслушан судебным органом; 2) подозреваемый или обвиняемый имеет право на присутствие и эффективное участие адвоката в допросе; 3) подозреваемый или обвиняемый имеет право на присутствие адвоката во время ряда следственных действий по сбору доказательств, если такие меры предусмотрены национальным законодательством (опознание подозреваемых, очные ставки, реконструкция места преступления).

Доступ к адвокату должен быть предоставлен во всех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый лишён свободы на любой стадии уголовного процесса. В исключительных обстоятельствах и только на досудебном этапе государства-члены могут временно отступить от этого правила, если после лишения свободы подозреваемого или обвиняемого невозможно обеспечить его право на доступ к адвокату без неоправданной задержки из-за географической удалённости. В течение этого времени компетентные органы не должны задавать такому лицу вопросы или проводить какие-либо следственные действия или меры по сбору доказательств. Если

подозреваемый или обвиняемый лишён свободы, то государства-члены должны предпринять необходимые шаги, чтобы такие лица могли эффективно осуществлять право на доступ к адвокату³¹. Эти положения могут включать в себя правила и условия, касающиеся юридической помощи.

Аналогичным образом государства-члены могут временно отменять право на доступ к адвокату на основании одной из следующих веских причин. *Во-первых*, если существует острая необходимость предотвратить серьёзное посягательство на жизнь, свободу или физическую неприкосновенность человека. *Во-вторых*, если необходимо, чтобы следственные органы действовали немедленно во избежание ущерба для уголовного процесса, например уничтожения или изменения существенных доказательств. На период временного отступления по этим основаниям компетентные органы могут допрашивать подозреваемых или обвиняемых без адвоката при условии, что последние были проинформированы о праве хранить молчание. Допрос может проводиться исключительно с целью получения необходимой информации для предотвращения серьёзных посягательств на жизнь, свободу или физическую неприкосновенность лица либо во избежание серьёзного ущерба для уголовного процесса.

Личные встречи, переписка, телефонные разговоры и любые другие формы общения с адвокатом, разрешённые национальным законодательством, должны осуществляться с соблюдением требований конфиденциальности. Эти требования не противоречат специальным процедурам, предусмотренным в случаях, когда существуют объективные и конкретные признаки, в соответствии с которыми защитника подозревают в участии вместе с подозреваемым или обвиняемым в совершении уголовного преступления. Требования конфиденциальности не препятствуют созданию в центрах содержания под стражей механизмов для предотвращения отправки

³¹ Например, предоставить помощь адвоката из списка доступных адвокатов, из которых подозреваемый или обвиняемый может выбирать.

задержанным лицам запрещённых предметов (контроль за перепиской), поскольку эти механизмы не позволяют компетентным органам читать сообщения, которыми обмениваются подозреваемые или обвиняемые лица и их адвокаты. Требования конфиденциальности не могут быть нарушены, если национальные компетентные органы, включая разведывательные службы, осуществляют законные операции по наблюдению, в том числе в интересах обеспечения национальной безопасности.

Если лицо отказывается от помощи адвоката, то ему должны быть разъяснены последствия такого отказа. При сообщении соответствующей информации следует учитывать конкретные обстоятельства подозреваемых или обвиняемых, а именно: их возраст, психическое и физическое состояние. Такой отказ должен быть добровольным и недвусмысленным, он подлежит регистрации вместе с обстоятельствами, при которых сделан. Отказ может быть отозван на любой стадии уголовного процесса.

Важные положения Директивы 2013/48/ЕС посвящены праву информировать третье лицо о лишении свободы и праву на общение с ним. Подозреваемый или обвиняемый, лишённый свободы, имеет право информировать без неоправданной задержки, по крайней мере, одно назначенное им лицо, например члена семьи или работодателя. Государства-члены могут ограничить или отложить осуществление этого права в свете императивных требований или пропорциональных оперативных потребностей. Эти требования могут включать в себя необходимость предотвратить серьёзные посягательства на жизнь, свободу или физическую неприкосновенность человека, помешать воспрепятствованию уголовного процесса, предотвратить уголовное преступление. Если подозреваемым или обвиняемым является ребёнок (лицо в возрасте до 18 лет), то лицо, имеющее родительские права в отношении ребенка, необходимо в кратчайшие сроки проинформировать о лишении свободы и его причинах. Если государства-члены временно в силу вышеуказанных императивных требований

отступают от применения права ребёнка информировать третье лицо о лишении свободы, то они должны гарантировать, что компетентный орган по защите детей будет в кратчайшие сроки проинформирован о лишении ребёнка свободы. Подозреваемый или обвиняемый, который лишён свободы, имеет право общаться, по крайней мере, с одним третьим лицом, которого он назначает. Это может быть член семьи, работодатель или другое близкое лицо.

Согласно тексту Директивы 2013/48/ЕС, государства-члены должны обеспечить, чтобы подозреваемый или обвиняемый, который лишён свободы и не является гражданином этих государств, имел право без неоправданной задержки информировать о лишении свободы и общаться с консульским учреждением государства, гражданином которого он является. Если подозреваемый или обвиняемый имеет более одного гражданства, то он может выбрать, какое консульское учреждение информировать. Подозреваемого или обвиняемого могут посетить сотрудники консульского учреждения. Он имеет право на беседу и переписку с ними, а также на организацию его законного представительства. Консульская защита может осуществляться дипломатическими представительствами, если они действуют как консульские учреждения.

Таким образом, Директива 2013/48/ЕС детализирует порядок реализации фундаментального права на оказание помощи адвоката. Отдельно закрепляется право на общение с родственниками, работодателями и консульскими учреждениями. Соответствующие правила Директивы 2013/48/ЕС в полной мере способствуют созданию дополнительных гарантий при обеспечении прав лиц, в отношении которых в государствах-членах ЕС ведётся уголовное преследование.

Анализ практики ЕСПЧ

Положения рассмотренных директив содержат общее правило о необходимости учитывать правоприменительную практику, особенно при этом подчёркивается роль ЕСПЧ. Акцент на роли этого суда

легко объяснить. Правозащитная тематика в ЕС развивается относительно недавно: Хартия как главный правозащитный документ Европейского союза принята лишь в 2000 году. Вклад Совета Европы в обеспечение прав человека общепризнан. ЕСПЧ за десятилетия своего существования выработал обширную судебную практику. По ст. 6 Конвенции сложилась значительная судебная практика, поскольку право на справедливое судебное разбирательство, которое гарантирует эта статья, занимает важное место среди общепризнанных прав [Гаджиев 2022].

В критических ситуациях важно не только знать свои права, но и иметь возможность ими воспользоваться. Для российских граждан сложности могут возникнуть в связи с непониманием иностранного языка и отсутствием доступа к адвокату. При этом зачастую главным препятствием могут стать финансовые затруднения, связанные с оплатой соответствующих услуг переводчика и адвоката, а не административные барьеры. В случае перевода принципиальное значение имеет его качество. Рассмотренные директивы содержат некоторые правила на этот счёт. Стоит также обратиться к правоприменительной практике, чтобы лучше разобраться в тонкостях реализации этих прав с позиций возмездности и качества предлагаемых услуг.

Согласно ч. 3 п. «с» ст. 6 ЕКПЧ, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право «защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия»³². Таким образом, по смыслу этой статьи, предоставление

юридической помощи зависит от критерия наличия/достаточности финансовых средств заявителя и критерия соответствия интересам правосудия. ЕСПЧ не определяет «средства для оплаты услуг защитника».

В каждом случае необходимо учитывать обстоятельства дела: статус заявителя (например, находился ли он в заключении); предоставленная заявителем информация о счетах; любые элементы, противоречащие утверждению заявителя³³. Это делается для определения целесообразности предоставления бесплатной юридической помощи обвиняемому или подозреваемому. При этом последний сам должен доказать недостаточность своих средств³⁴. Если заявитель в ходе разбирательства в первой инстанции прибегал к бесплатной помощи адвоката и заявил о недостаточности средств, то отказ предоставить ему бесплатную адвокатскую помощь в ходе апелляции будет нарушением п. 1 и п. 3 ст. 6 ЕКПЧ³⁵.

Страсбургский суд подтвердил, что бесплатная юридическая помощь требуется в уголовных делах для заявителей, которые не могут себе её позволить, если обвинение серьёзное и/или обвиняемый имеет языковые проблемы или проблемы понимания³⁶. При оценке критерия «соответствие интересам правосудия» необходимо, чтобы был представлен хотя бы один из трёх следующих элементов: серьёзность правонарушения и суровость понесённого наказания; сложность процедуры; социальное и личное положение подсудимого³⁷. Если подозреваемый или обвиняемый относится к уязвимым лицам (несовершеннолетний, беженец, лицо с проблемами психического здоровья), то предоставление такому лицу бесплатной юридической помощи отвечает интересам правосудия³⁸.

³² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³³ CourEDH. *Pakelli c. Allemagne*. № 8398/78. 25.04.1983. Par. 34.

³⁴ CourEDH. *Croissant c. Allemagne*. № 13611/88. 25.09.1992. Par.37.

³⁵ CourEDH. *Tsonyo Tsonov c. Bulgarie* (n° 2). № 2376/03. 14.01.2010. Par. 39.

³⁶ CourEDH. *Twalib c. Grèce*. 42/1997/826/1032. 09.06.1998. Par. 53.

³⁷ CourEDH. *Quaranta c. Suisse*. № 12744/87. 24.05.1991. Par. 33–35.

³⁸ CourEDH. *Quaranta c. Suisse*. № 12744/87. 24.05.1991. Par. 35.

Предоставление юридической помощи может понадобиться даже хорошо образованным людям, если они не способны эффективно защитить себя без адвоката³⁹. Помощь последнего обязательна во всех случаях, когда лицо может быть лишено свободы. Согласно ЕСПЧ, право на помощь адвоката возникает даже тогда, когда вынесение приговора о лишении свободы лишь презюмируется⁴⁰. В процессе толкования ст. 6 ЕКПЧ ЕСПЧ подтвердил, что в уголовном процессе право на доступ к адвокату действует на протяжении всего разбирательства, начиная от допроса в полиции и до окончания процедуры обжалования⁴¹. ЕСПЧ также неоднократно подтверждал, что право на доступ к адвокату возникает с момента первого допроса подозреваемого полицией [Beernaert 2022]. Его осуществление может быть ограничено только при наличии достаточных оснований. Оценка причин ограничения права на доступ к адвокату производится строго по обстоятельствам дела. В частности, европейский судья оценивает, нанесло ли это нарушение права на доступ к адвокату ущерб общему праву на справедливое судебное разбирательство [Deharo 2016].

Согласно ч. 3 п. «а» ст. 6 ЕКПЧ, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления «имеет право быть незамедлительно и подробно уведомлённым на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения», а согласно ч. 3 п. «е» той же статьи — «право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке»⁴². В части возмездности услуг переводчика в практике ЕСПЧ подтверждено право на бесплатные услуги, причём

даже в случае вынесения обвинительного приговора. По мнению этого суда, выражение «бесплатная помощь» имеет абсолютный характер и не зависит от каких-либо условий, не подлежит временному приостановлению или отмене⁴³.

Что касается качества услуг, необходимо прежде всего отметить, что в прецедентной практике Европейского суда по правам человека в части толкования ч. 3 п. «е» ст. 6 ЕКПЧ сложился следующий подход: право на письменный перевод уступает праву на устный перевод [Callewaert 1991]. Ещё в 1989 г. ЕСПЧ признал, что ч. 3 п. «е» ст. 6 ЕКПЧ не требует письменного перевода любого документального свидетельства или официального документа в деле, уточнив, что обязанности национальных компетентных органов не ограничиваются назначением переводчика — они обязаны контролировать качество предоставленного устного перевода⁴⁴. Такой подход подтверждён более поздними постановлениями ЕСПЧ. В 2006 г. Суд заключил, что устного перевода достаточно, если он позволяет ответчику достаточно хорошо знать дело, чтобы организовать свою защиту⁴⁵.

Несмотря на наличие соответствующих гарантий ЕКПЧ и ЕСПЧ, с принятием Директивы 2010/64/ЕС созданы дополнительные гарантии процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых в части письменного перевода, которому в этом правовом акте посвящён ряд правил. Кроме того, позитивное значение Директивы 2010/64/ЕС заключается в нормативном закреплении требования к качеству перевода.

В западной юридической доктрине констатируется рост количества постановлений Суда ЕС, связанных с процессуальными

³⁹ CourEDH. *Zdravko Stanev c. Bulgarie*. N° 32238/04. 06.11.2012. Par. 40.

⁴⁰ CourEDH. *Quaranta c. Suisse*. N° 12744/87. 24.05.1991. Par. 33.

⁴¹ CourEDH. *Salduz c. Turquie*. N° 36391/02. 27.11.2008. Par. 52.

⁴² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. N° 2. Ст. 163.

⁴³ CourEDH. *Luedicke, Belkacem et Koç c. Allemagne*. N° 6210/73; 6877/75; 7132/75. 28.11.1978. Par. 40.

⁴⁴ CourEDH. *Kamasinski c. Autriche*. N° 9783/82. 19.12.1989. Par. 74.

⁴⁵ CourEDH. *Hermi c. Italie*. N° 18114/02. 18.10.2006. Par. 70.

ми директивами, которые приняты на основе «дорожной карты». Справедливо отмечается, что с самого начала принятие процессуальных директив представляло для ЕС своего рода вызов, так как предстояло деликатно кодифицировать такой обширный предмет, как процессуальные права, которые вытекают из прецедентного права ЕСПЧ, сформированного на основании ст. 6 ЕКПЧ. При разработке процессуальных директив Европейский союз должен был избежать двух ловушек — быть слишком конкретным и замораживать прецедентное право или быть слишком общим и оставлять лакуны в регулировании.

Анализ последних постановлений Суда ЕС, который интерпретирует эти директивы, говорит о сближении практики Суда ЕС с прецедентной практикой ЕСПЧ, что облегчает работу национальных судов. При этом сама Конвенция служит для судей ЕС важным ориентиром [Callewaert 2023]. Такое утверждение на примере применения процессуальных директив ЕС подчёркивает вывод, что ЕКПЧ «представляет собой международно-правовую форму закрепления общих публичных интересов государств в правозащитной сфере» [Касьянов 2013; Ковлер 2019].

Среди международных инструментов, при помощи которых российский гражданин может попытаться гарантировать свои процессуальные права при уголовном преследовании в ЕС, ЕКПЧ занимает центральное место по ряду причин. *Во-первых*, Россия имеет многолетний опыт участия в Совете Европы и хорошие компетенции в части применения ЕКПЧ. *Во-вторых*, все государства—члены Европейского союза связаны положениями Конвенции, а институты ЕС при разработке собственного законодательства опирались на неё и связанную с ней правоприменительную практику. Институты Союза, подготовившие директивы в области уголовного процесса,

преследовали четыре цели: 1) кодифицировать на уровне ЕС накопившийся опыт правоприменения ЕКПЧ; 2) закрепить новые правила за счёт конкретизации и дальнейшего развития правил универсальных или региональных документов; 3) обеспечить лучшее применение правил за счёт действия принципов верховенства и прямого действия норм права ЕС; 4) учесть действующие в Европейском союзе оригинальные механизмы, связанные, например, с европейским ордером на арест, что представляет значительный шаг вперёд во внутриевропейском сотрудничестве по уголовным делам [Mancano 2021].

Обращение к Конвенции является отправной точкой, позволяющей при первом приближении быстро оценить свои права и возможности. В государствах—членах ЕС российский гражданин вправе ссылаться на положения европейских директив для защиты прав. Это позволит ему получить доступ к своду более детализированных правил, которыми пользуются граждане Европейского союза. Для облегчения практической реализации прав важно знать о существовании специального информационного документа в виде Декларации прав, доступ к которой должен иметь любой подозреваемый или обвиняемый в совершении уголовного преступления. Декларация прав должна быть передана лицу незамедлительно, то есть до первого официального допроса подозреваемого или обвиняемого полицией или другим компетентным органом.

Для лучшего понимания содержания этого документа, а также других основных документов⁴⁶ закреплено право на письменный перевод. Услуги устного перевода более распространены, но подозреваемый или обвиняемый либо адвокат вправе требовать представить мотивированную просьбу о необходимости письменного перевода. Бесплатные услуги переводчика носят абсолютный характер, а их ненадлежащее качество можно обжаловать. К услу-

⁴⁶ Любое решение о заключении под стражу, любое обвинение или обвинительный акт и любое судебное решение.

гам адвоката можно прибегнуть с момента задержания, а их безвозмездный характер зависит от конкретных обстоятельств дела, причём недостаточность собственных средств надо доказывать. Факт предоставления бесплатной помощи переводчика в связи с непониманием языка может стать основанием для предоставления услуг адвоката также на безвозмездной основе.

Директивы, вытекающие из «дорожной карты», не позволяют обеспечить права заключённых. В этом отношении именно механизм ЕКПЧ ограничивает действия государств, обязывая их предоставлять средства правовой защиты, способные предотвратить или исправить нарушение прав заключённых [Sánchez, Rodríguez 2021; Kamber 2020].

Список литературы

- Войников В.В., Этин М.Л. К 20-летию пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 5–16.
- Гаджиев Х.И. Право на справедливое судебное разбирательство // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 75–80.
- Касьянов Р.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и европейский публичный порядок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 65–70.
- Ковлер А.И. «Европейский правовой порядок» и Россия: проблемы определения юридического значения европейских правозащитных стандартов, вырабатываемых в практике ЕСПЧ // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: Монография / Под ред. В. В. Лазарева. М.: Норма, 2019. С. 44–71.
- Albrecht P.-A., Braum S. Deficiencies in the Development of European Criminal Law // European Law Journal. 1999. Vol. 5. No. 3. P. 293–310. <https://doi.org/10.1111/1468-0386.00084>
- Beernaert M. Saldus n'a (toujours) pas dit son dernier mot : quelques nouveaux enseignements de la Cour européenne quant au droit à l'assistance d'un avocat lors de l'enquête pénale : (obs. sous Cour eur. dr. h., arrêt Tonkov c. Belgique, 8 mars 2022, et arrêts Dubois c. France et Wang c. France, 28 avril 2022) // Revue trimestrielle des droits de l'Homme. 2022. No. 132. P. 977–986. <https://doi.org/10.3917/rtdh.132.0977>
- Callewaert J. Procès équitable et égalité entre les accusés, note sous CEDH 19.12.1989 (Kamasinski c. Autriche) // Revue trimestrielle des droits de l'homme. 1991. Vol. 2. No. 6. P. 230–240.
- Callewaert J. The Recent Luxembourg Case-Law on Procedural Rights in Criminal Proceedings: Towards Greater Convergence with Strasbourg? // EU Law Live. 2023. P. 1–8.
- Cape E., Hodgson J. The Right to Access to a Lawyer at Police Stations: Making the European Union Directive Work in Practice // New Journal of European Criminal Law. 2014. Vol. 5. No. 4. P. 450–479. <https://doi.org/10.1177/203228441400500404>
- Daly Y., Conway V. Selecting a lawyer: the practical arrangement of police station legal assistance // J Law Soc. 2021. Vol. 48. No. 4. P. 618–644. <https://doi.org/10.1111/jols.12317>
- Daly Y.M. The right to silence: Inferences and interference // Australian & New Zealand Journal of Criminology. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 59–80. <https://doi.org/10.1177/0004865813497732>
- Dehara G. [Jurisprudence] Restriction du droit d'accès à un avocat // La lettre juridique. 2016. Édition n°67029. URL : <https://www.lexbase.fr/article-juridique/34599451-jurisprudence-restriction-du-droit-d-acces-a-un-avocat> (дата обращения: 20.02.2024).
- Fichera M. Criminal Law beyond the State: The European Model // European Law Journal. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 174–200. <https://doi.org/10.1111/eulj.12020>
- Jimeno-Bulnes M. European Judicial Cooperation in Criminal Matters // European Law Journal. 2003. Vol. 9. No. 5. P. 614–630. <https://doi.org/10.1046/j.1468-0386.2003.00195.x>
- Kamber K. Remedies for breaches of prisoners' rights in the European Prison Rules // New Journal of European Criminal Law. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 467–488. <https://doi.org/10.1177/2032284420963891>
- Mancano L. A theory of justice? Securing the normative foundations of EU criminal law through an integrated approach to independence // European Law Journal. 2021. Vol. 27. No. 4–6. P. 477–501. doi:10.1111/eulj.12442
- de Matteis L. The EPPO's legislative framework: Navigating through EU law, national law and soft law // New Journal of European Criminal Law. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 6–17. <https://doi.org/10.1177/20322844231158317>
- Öberg J. Guest editorial: EU agencies in transnational criminal enforcement: From a coordinated approach to an integrated EU criminal justice // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28. No. 2. P. 155–163. <https://doi.org/10.1177/1023263X211005977>

- Öberg J., Mitsilegas V., Caunes K. European integration in context: Questioning the normative foundations of European criminal law // *European Law Journal*. 2021. Vol. 27. No. 4–6. P. 350–355. <https://doi.org/10.1111/eulj.12453>
- Pivaty A., Beazley A., Daly Y. M., de Vocht D., ter Vrugt P. Strengthening the protection of the right to remain silent at the investigative stage: What role for the EU legislator? // *New Journal of European Criminal Law*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 427–448. <https://doi.org/10.1177/2032284421102831983>
- Rubi-Cavagna É. Le droit pénal de l'Union européenne : un droit pénal commun porteur de valeurs ? // *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 2018. No. 3. P. 663–674. <https://doi.org/10.3917/rsc.1803.0663>
- Sánchez C.R., Rodríguez E.P. The Modest ECtHR Supervision of Spain's Prison System // *The Howard Journal of Crime and Justice*. 2021. Vol. 60. No. 4. P. 564–579. <https://doi.org/10.1111/hojo.12431>
- Soo A. How are the member states progressing on transposition of Directive 2013/48/EU on the right of access to a lawyer?: An inquiry conducted among the member states with the special focus on how Article 12 is transposed // *New Journal of European Criminal Law*. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 64–76. <https://doi.org/10.1177/2032284417699294>
- Weis K. Ecba Autumn Conference 2009 – The Future of Citizen's Rights in Criminal Proceedings in the European Union: Stockholm, Sweden – 2 & 3 October 2009 // *New Journal of European Criminal Law*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 119–124. <https://doi.org/10.1177/203228441000100109>

LAW AS A TOOL TO COUNTER POLITICAL COERCION

WHAT SHALL RUSSIAN CITIZENS KNOW ABOUT THEIR RIGHTS IN CASE OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE EU?

RUSTAM KASYANOV

EKATERINA TORKUNOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The EU restrictive measures, causing damage to the Russian economy, have suspended political interaction. Economic entities receive state aid and have already tailored to the new conditions. Russian citizens and fellow citizens, who stay in the EU countries and may not always reckon upon the urgent assistance of the Russian Federation owing to this reason, are the most vulnerable in this situation. The report “On Violations of the Rights of Russian Citizens and Fellow Citizens in Foreign Countries”, submitted by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the middle of 2022, indicates the “overwhelming discrimination of Russians”, which “was shocking by its absurdity” – that is where the rights of Russians are violated by the “collective West” on a large scale. The report provides information on the numerous recorded facts of the violations in most Member States of the European Union. Russian citizens, against whom criminal prosecution has been initiated, are especially in a precarious position. The article was designed to include information and analysis data, through which Russian citizens as well as fellow citizens could have obtained better protection of their rights in the EU countries. For this reason, the analysis of the relevant provisions of the EU law and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms was conducted. Furthermore, the attainability of the right to interpretation and translation, the right to information on rights and information about the charges, the

right to legal advice and legal aid, so as the right to communicate with relatives, employers and consular authorities in criminal proceedings was scrutinized. The European Court of Human Rights case-law was examined to denote major rules governing compensatory nature and quality of legal counsel and translation services. Certain recommendations, which Russian citizens may find helpful in terms of protection of their rights when facing criminal prosecution in the EU Member States, were laid down in conclusion of the present Article, which is especially relevant in terms of the unprecedented political pressure the West puts on Russia.

Keywords:

Russian citizen; criminal procedure; interpretation and translation legal advice; Council of Europe law; the European Court of Human Rights case-law; European Union law

References

- Albrecht P.-A., Braum S. (1999). Deficiencies in the Development of European Criminal Law. *European Law Journal*. Vol. 5. No. 3. P. 293–310. <https://doi.org/10.1111/1468-0386.00084>
- Beernaert M. (2022). Saldus n'a (toujours) pas dit son dernier mot : quelques nouveaux enseignements de la Cour européenne quant au droit à l'assistance d'un avocat lors de l'enquête pénale : (obs. sous Cour eur. dr. h., arrêt Tonkov c. Belgique, 8 mars 2022, et arrêts Dubois c. France et Wang c. France, 28 avril 2022). *Revue trimestrielle des droits de l'Homme*. No. 132. P. 977–986. <https://doi.org/10.3917/rtdh.132.0977>
- Callevaert J. (1991). Procès équitable et égalité entre les accusés, note sous CEDH 19-12-1989 (Kamasinski c. Autriche). *Revue trimestrielle des droits de l'homme*. Vol. 2. No. 6. P. 230–240.
- Callevaert J. (2023). The Recent Luxembourg Case-Law on Procedural Rights in Criminal Proceedings: Towards Greater Convergence with Strasbourg? *EU Law Live*. P. 1–8.
- Cape E., Hodgson J. (2014). The Right to Access to a Lawyer at Police Stations: Making the European Union Directive Work in Practice. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 5. No. 4. P. 450–479. <https://doi.org/10.1177/203228441400500404>
- Daly Y., Conway V. (2021). Selecting a lawyer: the practical arrangement of police station legal assistance. *J Law Soc*. Vol. 48. No. 4. P. 618–644. <https://doi.org/10.1111/jols.12317>
- Daly Y.M. (2014). The right to silence: Inferences and interference. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. Vol. 47. No. 1. P. 59–80. <https://doi.org/10.1177/0004865813497732>
- Deharo G. (2016). [Jurisprudence] Restriction du droit d'accès à un avocat. *La lettre juridique*. Édition n°67029. URL : <https://www.lexbase.fr/article-juridique/34599451-jurisprudence-restriction-du-droit-d-acces-a-un-avocat> (дата обращения: 20.02.2024).
- Fichera M. (2013). Criminal Law beyond the State: The European Model. *European Law Journal*. Vol. 19. No. 2. P. 174–200. <https://doi.org/10.1111/eulj.12020>
- Gadzhiev H.I. (2022). Pravo na spravedlivo sudebnoe razbiratel'stvo [Right to a fair trial]. *Rossiyskaya yustitsiya*. No. 5. P. 75–80.
- Jimeno-Bulnes M. (2003). European Judicial Cooperation in Criminal Matters. *European Law Journal*. Vol. 9. No. 5. P. 614–630. <https://doi.org/10.1046/j.1468-0386.2003.00195.x>
- Kamber K. (2020). Remedies for breaches of prisoners' rights in the European Prison Rules. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 11. No. 4. P. 467–488. <https://doi.org/10.1177/2032284420963891>
- Kasyanov R.A. (2013). Evropeyskaya Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i evropeyskiy publichnyy poryadok [The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and European Public Order]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. No. 12. P. 65–70.
- Kovler A.I. (2019). «Evropeyskiy pravovoy poryadok» i Rossiya: problemy opredeleniya yuridicheskogo znacheniya evropeyskikh pravozashchitnykh standartov, vyrabatyvaemykh v praktike ESPCH [«European Legal Order» and Russia: problems of determining the legal meaning of European human rights standards developed in the practice of the ECHR]. In: V. V. Lazarev (ed.) *Implementation of the Judgments of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System: concepts, legal approaches and practice*. Moscow: Norma. P. 44–71.
- Mancano L. (2021). A theory of justice? Securing the normative foundations of EU criminal law through an integrated approach to independence. *European Law Journal*. Vol. 27. No. 4–6. P. 477–501. DOI: 10.1111/eulj.12442
- de Matteis L. (2023). The EPPD's legislative framework: Navigating through EU law, national law and soft law. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 14. No. 1. P. 6–17. <https://doi.org/10.1177/20322844231158317>

- Öberg J. (2021). Guest editorial: EU agencies in transnational criminal enforcement: From a coordinated approach to an integrated EU criminal justice. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. Vol. 28. No. 2. P. 155–163. <https://doi.org/10.1177/1023263X211005977>
- Öberg J., Mitsilegas V., Caunes K. (2021). European integration in context: Questioning the normative foundations of European criminal law. *European Law Journal*. Vol. 27. No. 4–6. P. 350–355. <https://doi.org/10.1111/eulj.12453>
- Pivaty A., Beazley A., Daly Y.M., de Vocht D., ter Vrugt P. (2021). Strengthening the protection of the right to remain silent at the investigative stage: What role for the EU legislator? *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 12. No. 3. P. 427–448. <https://doi.org/10.1177/2032284421102831983>
- Rubi-Cavagna É. (2018). Le droit pénal de l'Union européenne : un droit pénal commun porteur de valeurs ? *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. No. 3. P. 663–674. <https://doi.org/10.3917/rsc.1803.0663>
- Sánchez C. R., Rodríguez E. P. (2021). The Modest ECtHR Supervision of Spain's Prison System. *The Howard Journal of Crime and Justice*. Vol. 60. No. 4. P. 564–579. <https://doi.org/10.1111/hoj.12431>
- Soo A. (2017). How are the member states progressing on transposition of Directive 2013/48/EU on the right of access to a lawyer?: An inquiry conducted among the member states with the special focus on how Article 12 is transposed. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 8. No. 1. P. 64–76. <https://doi.org/10.1177/2032284417699294>
- Voynikov V.V., Entin M.L. (2019). K 20-letiyu prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudiya ES. [To the 20th anniversary of the EU space of freedom, security and justice]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4 (90). P. 5–16.
- Weis K. (2010). Ecba Autumn Conference 2009 – The Future of Citizen's Rights in Criminal Proceedings in the European Union: Stockholm, Sweden – 2 & 3 October 2009. *New Journal of European Criminal Law*. Vol. 1. No. 1. P. 119–124. <https://doi.org/10.1177/203228441000100109>